

**МЕЖДУ СОЦИАЛИЗМОМ, ИУДАИЗМОМ И ФЕМИНИЗМОМ
(ЖЕНЩИНА И КОЛЛЕКТИВ В ИЗРАИЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)**

**МІЖ СОЦІАЛІЗМОМ, ІУДАЇЗМОМ І ФЕМІНІЗМОМ
(ЖІНКА ТА КОЛЕКТИВ В ІЗРАЇЛЬСЬКІЙ ЖІНОЧІЙ ЛІТЕРАТУРІ)**

**BETWEEN SOCIALISM, JUDAISM AND FEMINISM
(A WOMAN AND A COLLECTIVE IN ISRAELI WOMEN'S LITERATURE)**

Шулик П.Л.,

orcid.org/0000-0001-8143-2646

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры германских языков и зарубежной литературы

Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко

Представленная статья исследует творчество израильских писательниц, в котором отразилось мировоззрение отдельных групп израильского общества. В центре внимания произведения о женской судьбе в условиях специфически для Израиля коллективов – кибуца и ультраортодоксальной общины.

Многовековая традиция еврейского народа, закреплённая в библейских и талмудических текстах, утверждает патриархальные стереотипы, оправдывающие высокий социальный статус мужчин и низкий – женщин. Согласно традиционному еврейскому мировоззрению, место женщины в пределах дома, в любви, продолжении рода, а не вовне и тем более на общественном поприще. Культурно-идеологические установки были закреплены и в постбиблейской литературе

Раскол традиционного мировоззрения в эпоху еврейского Просвещения с ее идеями равенства не коснулся судьбы женщины. И только идеи социализма смогли создать иллюзию равенства всех народов, национальностей и полов. В еврейской истории ярким и крайним воплощением этих идей становится специфический коллектив – кибуц, где все наравне – мужчины и женщины – одержимы социалистическим идеалом и единой целью: трудиться на святой земле и жить сообща. Но в женской литературе кибуц становится воплощением коллектива, в условиях которого задекларированное равноправие полов отбирает у женщины право на женственность.

Религиозный коллектив, утверждающий незыблемость семейных устоев, на первый взгляд поддерживает в женщине то, что в ней заложено изначально – ее заботу о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом, но на самом деле разрушает эту первозданность, установив тотальный контроль и строгую регламентацию ее жизни, опутав непосильным грузом предписаний, лишаящий ее права свободно развивать в себе дарованную ей свыше женскую природу.

Именно этот аспект становится центральным в произведениях израильских писательниц, потому что женская природа – и психологически, и физиологически – заключается в способности давать жизнь и в способности любить. Для свободного ее проявления женщине остается только вырваться за пределы закрытого коллектива (кибуца или религиозной общины), контролирующего и регламентирующего ее жизнь.

Ключевые слова: женская литература, кибуц, библейская традиция, ультраортодоксальная община, гендер, мизогинизм.

У статті досліджується творчість ізраїльських письменниць, де відбився світогляд окремих груп ізраїльського суспільства. У центрі уваги – твори про жіночу долю в умовах специфічних для Ізраїлю колективів – кібуца та ультраортодоксальної общини.

Багатотисялітня традиція єврейського народу, зафіксована у біблійних і талмудичних текстах, проголошує патріархальні стереотипи, що виправдовують високий соціальний статус чоловіків і низький статус жінок. Відповідно до традиційного єврейського світосприйняття місце жінки у межах дому, у любові, продовженні роду, а не зовні, і тим більше у суспільних справах. Культурно-ідеологічні установи були закріплені і в постбіблейській літературі.

Розкол традиційного світосприйняття в епоху єврейського Просвітництва з його ідеями рівноправ'я не торкнувся долі жінки. І тільки ідеї соціалізму створили ілюзію рівності всіх народів, національностей і статей. У єврейській історії яскравим втіленням цих ідей стає специфічний колектив – кібуц, де всі нарівно – чоловіки і жінки одержимі соціалістичним ідеалом та єдиною метою: працювати на святій землі і жити разом. Але в жіночій літературі кібуц стає втіленням колективу, в умовах якого задекларована рівність між чоловіками і жінками відбирає у жінки право на жіночість.

Релігійний колектив, який стверджує непорушність сімейних устоїв, на перший погляд, підтримує в жінці те, що в ній закладено природою – її піклування про дітей, про свого чоловіка і про спільноту у цілому, але насправді руйнує цю первозданність, встановлює тотальний контроль та сувору регламентацію її життя, наклавши на неї тягар приписів, які відбирають у неї право вільно розвивати в собі даровану їй зверху жіночу природу.

Саме цей аспект стає центральним у творах ізраїльських письменниць, тому що жіноча природа – і психологічно, і фізіологічно – у здатності давати життя і в умінні любити. Для вільного її прояву жінці залишається тільки вийти за межі закритого колективу (кібуца або релігійної общини), що контролює і регламентує її життя.

Ключові слова: жіноча література, кібуц, біблійна традиція, ультраортодоксальна община, гендер, мизогінізм.

The given article studies the works of Israeli women writers describing the views of peculiar social groups in Israel. The research is focused on the works about woman's life under conditions of the specific Israeli collectives – kibbutz and ultra-orthodox communities.

The ancient tradition of the Jewish people fixed in the Bible and Talmud establishes the patriarchal stereotypes and justifies the high social status of men the low one for women. According to it the place of women is at home, in love and giving birth to children, not in the social life. This cultural and ideological focus was reflected also in the post-Biblical literature.

The split in the orthodox outlook during the period of Jewish Renaissance with its ideas of equality didn't consider the women's fate. Only the ideas of socialism could create the illusion of equality for all people, nations and sexes. In the Jewish history the specific community kibbutz became the extreme and bright embodiment of these ideas where all men and women were united by the same socialistic ideal and goal - to work and live on the holy land together. But in the women's literature the kibbutz is represented as a community in which the declared gender equality deprives women of femininity.

The religious community claiming the inviolacy of family stability, on the one hand, supports the primitive female's function to take care about her husband, children and the whole community, but, in fact, it ruins this primevalness setting up the total control and regulation of women's life with all the burdens and without the right to develop her providential nature.

This factor being a key line in Israeli women's literature supports the idea of a woman's psychological and physiological mission to love and give birth. For this purpose she needs to break the borders of a closed community controlling and limiting her life.

Key words: women's literature, kibbutz, Biblical tradition, ultra-orthodox community, gender, misogyny.

Постановка проблемы. Анализ последних исследований и публикаций. Благодаря западной ориентации, творческие поиски израильских писательниц органично воспринимаются в русле основных тенденций развития современной женской литературы, в центре которой еще со времен Симоны Бовуар остается «личный выбор современной женщиной ее жизненного поведения» [1, с. 80]. Но сквозь феминистский налет западной традиции в этих поисках ясно проступает тоска по женской первозданности, всеобъемлющий даже тотальный характер которой в израильской литературе обусловлен национально-исторической спецификой.

Если творчество отдельных израильских писательниц периодически оказывается в центре внимания как зарубежных, так и собственно израильских литературоведов, то женская израильская литература как явление еще не стала предметом серьезного исследования, хотя авторы литературно-критических обзоров отводят ей почетное место в современном литературном процессе [2, с. 23].

Цель статьи. Основная цель статьи – проанализировать творчество израильских писательниц, в котором нашло отражение мировоззрение отдельных групп израильского общества. В центре внимания – произведения, где поднимается вопрос сохранения или потери женской первозданности в условиях специфических для Израиля коллективов – киббуца и ультраортодоксальной общины.

Изложение основного материала. В произведениях израильских писательниц причины утраты первозданности напрямую связываются с традицией и специфическими условиями определенного коллектива.

Многовековая традиция еврейского народа, закреплённая в библейских и талмудических тек-

стах, утверждает патриархальные стереотипы, оправдывающие высокий социальный статус мужчин и низкий – женщин. Именно здесь был заложен низкий статус женщины, ведь она была сотворена из ребра Адама только потому что Бог не нашел ему «помощника, соответственного ему», среди животных. В библейской литературе женщины оказались, по высказыванию современных феминисток, «отсутствующими в своем присутствии». Культурно-идеологические установки были закреплены и в постбиблейской литературе. Частично этот вопрос освещен в статье «Андрогинные образы в израильской женской литературе. Статья вторая. Андрогин по собственному желанию» [3].

Согласно традиционному еврейскому мировоззрению, место женщины в пределах дома, в любви, продолжении рода, а не вовне и тем более на общественном поприще. Раскол традиционного мировоззрения в эпоху еврейского Просвещения. И только идеи социализма смогли создать иллюзию равенства всех народов, национальностей и полов. В еврейской истории ярким и крайним воплощением этих идей становится специфический коллектив – киббуц, где все наравне – мужчины и женщины – одержимы социалистическим идеалом и единой целью: трудиться на святой земле и жить сообща. Именно об этом киббуцианская литература *поколения Пальмаха* (в израильском литературоведении литературный процесс принято рассматривать как смену писательских поколений [4, с. 8]), пронизанную пропагандистским пафосом эпохи социалистического реализма, идеологией общей жизни, общего труда, общего долга.

Конфликт индивидуального начала с коллективистским становится ведущим в творчестве писателей *поколения Государства*. В женской литературе этого периода киббуц становится

воплощением коллектива, в условиях которого задекларированное равноправие полов отбирает у женщины право на женственность. Об этом диалогия Наоми Френкель (романы «Ваш дядя и друг Соломон...» [5], «Дикий цветок» [6]). Герои пытаются вырваться из условностей, навязанных кибуцной моделью общежития, но попадают в рамки любовных треугольников, разрушить которые им не под силу, как невозможно освободиться от бессмертной чувственности стиха, давшего название первой книги диалогии. В оригинале оно звучит – «Доди вз реи». Это парафраз фрагмента шестнадцатого стиха пятой главы библейской книги «Песнь Песней»: «...зэ доди вз зэ реи, бнот ирушалаим», «...вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалима». Переводчик сглаживает чувственность названия – «Ваш дядя и друг Соломон...», но указка на эпистолярность жанра подчеркивает, что в центре романа остаются чувства и внутренний мир героев.

Связующим ядром романа стает исповедь старожила кибуца Соломона (аллюзия на библейский образ очевидна), пытающего с помощью писем распутать сложные отношения близких ему людей, уже сложившиеся в очевидный всем любовный треугольник: *Адас, его племянница и приемная дочь – Мойшеле, муж Адас, сын его друга и его приемный сын – Рами, любовник Адас и друг Мойшеле*. Но он сам, бывший ответственный работник, один из руководителей кибуца, мудрый Соломон, вынужден в своей исповеди признать беспомощность перед собственными чувствами, с которыми прожил всю жизнь, но в которых не смел признаться в специфической среде кибуца с его понятиями о коллективной жизни, бесцеремонно вторгающейся в личную жизнь индивида. Две женщины в его любовном треугольнике – жертвы этих понятий. Жена Амалия – друг (показательно, что хавер кибуц (член кибуца) дословно переводится как друг кибуца), помощник, но не любимая. Кибуц вытравил из Амалии женскую первозданность превратил в выносливого, преданного, готового к самопожертвованию *хавер кибуца*. К счастью, она так и не узнала, что ее муж мечтал о незнакомке, написавшей ему полное страсти и любви письмо: «Соломон, любимый мой...» [5, с. 15]. Условности коллектива не позволили женщине открыть свое имя, а Соломону попытаться отыскать ее. Так и жил он: наяву – с одной, которую называл «доброй женой»; в мечтах – с другой, «полевой птичкой», «заключенной лишь в клетку... души» [5, с. 23]. Но если любов-

ный треугольник Соломона скорее виртуальный, судьбы его родного брата и близкого друга в реальный треугольник – *Эвимелех – Мария – Йосеф* – соединяет любовь к одной женщине.

Чувства героев, как и их поступки, настолько неоднозначны, что, кажется, писательница тестирует читателя на знание женской психологии, не заботясь о сущности тех ассоциаций, которые у него могут возникнуть. Возможно, потому, что эти ассоциации уже запрограммированы кибуцными порядками? А может потому, что уже в самом начале в письме Соломона дает читателю подсказку, сравнивая женщину с птицей. Соломон, рассказывая о своей неизвестной возлюбленной, ассоциативно вспоминает эпизод из своего детства:

«Однажды воробей влетел в наш дом. Мама помогла мне его поймать. И я гладил и целовал этого серого воробышка, а он судорожно трепетал в моей руке. Мама посоветовала мне отпустить его, потому что «птица любит волю». «Но я люблю воробья» – ответил я маме. «Если ты его и вправду любишь, отпусти на волю».

Отпустил я его и после много дней думал о нем. Почему он трепетал в моих ладонях, ведь я же его так любил. И тогда пришла мне впервые мысль, что не всякая любовь обоюдна. И не любой, которого ты любишь, любит и тебя. Но если любовь твоя истинная, дай свободу любимому тобой существу...

Где-то ты живешь, полевая моя птичка... живешь на воле, заключенная лишь в клетку моей души» [8, с. 23].

Не вписывающаяся в нивелирующую жизнь кибуца яркая красавица Мария оказалась в тройной клетке (кибуц, любовный треугольник, семья), каждая из которых последовательно отбирала у нее право на свободу чувств. *Любовный треугольник запутал* ее в чувствах мужчин, не заботящихся о ее собственных чувствах. *Кибуц наградила и опутал* комплексами коллектива, где одна из сторон равноправия оказывается правом сплетников делать всеобщим достоянием чувства других. *Семья* лишила ее умения радоваться и наслаждаться жизнью. И даже покинув кибуц и став матерью, Мария, по-прежнему красивая и желанная для многих, так и не вернет себе этого прежнего умения. Птичка оказалась в клетке не своей любви. Возле нее не оказалось того любящего, кто мог бы дать ей свободу и возможность выбора.

Ее дочь Адас бежит из семейной клетки своих родителей в кибуц, который кажется ей олицетворением свободы и искренности. Но кибуц может предложить лишь два варианта женской

судьбы – Амалии и неизвестной возлюбленной дяди Соломона, которые автор представляет в самом начале. Появившееся позже исповедь-письмо Адад убеждает: девушка попадает в кибуц не для того, чтобы оказаться в тисках кибуцных порядков, хотя и рискует оказаться жертвой диктата коллектива, выйдя замуж за Мойшеле, покоровшись желанию окружающих. В свое время это уже произошло с ее матерью. Но рядом с Адад оказались мужчины, которые заключив ее лишь в «клетку души», предоставили женщине право выбора. Испытания, выпавшие на ее долю, помогли ей выстоять и ощутить свою истинную природу – природу дикого и свободного существа, но не обрести власть над собственной жизнью. Об этом вторая книга дилогии – роман «Дикий цветок».

Свободная Адад потерялась в своем одиночестве, так и не поняв, что женская природа – и психологически, и физиологически – в способности давать жизнь и в способности любить и получать «питающую» любовь. Кибуц и опыт матери убивает в ней инстинкт материнства, но не стремление любить. Мир изменился, изменились молодые герои. Война перечеркивает не только их прежние представления, но и восприятие окружающей действительности, обостряет чувства и делает мудрей. Текст превращается в исповедь автора, сотканную из, казалось бы, беспорядочного многоголосия героев, в котором писательница сквозь аккорды растерянности, тоски, разочарования смогла уловить слабые нотки надежды, возникающие из понимания общности народа, общности человеческой судьбы. На личностном уровне приходит это и к Адад. Она остается в доме ждать своего мужа, поняв простую истину – женщина станет принадлежать себе только в соответствующем окружении, в доме, который принадлежит ей по праву. Но это окружение не коллектив, регламентирующий права и свободы уставом, нивелирующим личность, а люди, среди которых женщина имеет право свободно и самостоятельно жить, выполняя свое истинное предназначение.

Любой коллектив создан для разрушения первоначальности женщины, даже тот, где, казалось бы, есть все условия для того, чтобы женщина оставалась женщиной и выполняла свое предназначение. В израильском обществе такой специфический коллектив – религиозная община. Непростой женской судьбе в мире ультраортодоксов посвящено небольшое количество художественных произведений, авторы которых в основном женщины, знающие эту жизнь изнутри. В большинстве случаев их книги производят взрывной эффект в обществе, где на изображение

жизни и проблем ультраортодоксальной общины наложено негласное табу. В последнее время они теряют черты маргинальности, приобретая общности, хотя и нового, но естественного для израильской культуры явления.

Предпосылками для этого становятся как непростые процессы, определяющие отношения религии и государства Израиль, так и феминистское движение, своеобразно повлиявшее на традиционное мировоззрение. Следует отметить неоднозначность этого влияния. С одной стороны, можно говорить о появлении «феминистской критики иудаизма», с другой – о возникновении религиозного (ортодоксального и неортодоксального) феминизма.

Все эти предпосылки раскрепостили писательниц и позволили вслух заговорить о жизни женщины в коллективе, где она, вынужденная или сознательная праведница, выполняет предназначение, которое определил для них маскулинный мир.

Светских авторов в жизни ортодоксов интересует: оправдывают ли главную цель жизни средства ее достижения и условия существования в религиозной общине? В центре внимания оказывается внешняя сторона, и редко какое произведение обходится без «клубнички». Особенно это характерно для израильского кино, где фильмы о жизни харедим не редкость.

Другое дело писатели, которые знают жизнь ультраортодоксальной общины изнутри. Используя свои знания о жизни религиозных евреев, они в своих произведениях дают внутреннюю оценку ортодоксальности. Среди серьезных писателей-ортодоксов называют Еудит Ротем, Хану Бат Шахар и другие. Литература для этих авторов – одна из немногих возможностей поведать о личном опыте верующей женщины, покинувшей религиозный мир, но не отказавшейся от веры. Обогащенные опытом дважды «избранной» (принадлежать избранному на безоговорочное выполнение 613 божьих заповедей народу и избранной на безмолвное выполнение придуманного для нее частью этого народа женского предназначения), писательницы стремятся создать образ свободной женщины, верящей в Бога и уверенной в своих человеческих и женских правах. А это прямой путь к феминистской критике иудаизма.

Произведения писательниц из мира харедим, ощутивших на себе тиранию традиции, – вызов религиозному фундаментализму, определившему женщине роль второго плана, но вызов, не лишенный феминистского налета. В то же время

очевидный успех книг обусловлен не только необычностью темы (что касается литературных приемов, избалованный израильский читатель, тем более литературовед, сумеет легко найти в них отпечатки многих влияний), но и отсутствием заманчивой феминистской заангажированности. Можно сказать, что их творчество определяют существующие в раввинистической литературе две, если следовать выводам Таль Илан, параллельные традиции: «одна видит в женщине субъекта действия, повышает ее статус, позволяет ей исполнять заповеди и иметь права, другая – из тех же сюжетов женщину вытесняет, оценку ее понижает, роль нивелирует» [7]. Но в мире ультраортодоксов в целом правит андроцентричная, патриархальная и мизогинистичная традиция, потому основной темой произведений этих писательниц остается тяжёлая женская доля в мире харедим.

Творчество Наоми Раген (Раген) наиболее показательно в этом отношении и тем, что писательница знает весь спектр проблем, разрывающий мир харедим изнутри, и тем, что почти не изменяет избранной теме и пишет в жанре «дамского романа». Женская судьба представлена в ее книгах разнопланово. Сначала добродетельные героини страдают от условностей и жестокости религиозного мира и непробиваемости мужчин («Дочь Ифтах» “Jephthe’s Daughter”, 1989), подвергаются соблазну («Блудница» – “Sotah” (Cota), 1992), насилию («Жертвоприношение Тамар» – “The Sacrifice of Tamar”, 1995), но не теряют своей добродетели. По мере осмысления женской доли писательница отказывается от стандартного образа праведной жены. В ее романе «Субботняя жена» (The Saturday Wife, 2007) – жесткой сатире, переходящей в гротеск, на мир харедим – главная героиня Далила, имя которой в еврейском сознании обречено на негатив. Но Далила, глупая, лживая, недобродетельная, привлекательна своим стремлением прорваться сквозь тотальный контроль религиозных предписаний и самостоятельно решить свою судьбу. Финал романа остается открытым. Не известно, сумеет ли героиня воспользоваться своим правом на свободный выбор? И есть ли он у нее вообще?

В пьесе «Миньян нашим» («Женский миньян» – “Women’s Minyan”, 2001) Наоми Раген более решительна, почти как ее героиня, сумевшая вырваться за пределы бесправного для нее мира религиозной общины, где чувства женщины унижены, раздавлены, оскорблены многочисленными изменами «благочестивого» мужа, способного даже вступить в связь с мальчиками и совершить насилие над собственной сестрой,

где ее представления о честности разрушены тем же мужем, обокравшим и ее, и ее подругу, где ее лишают статуса матери и запрещают общаться с детьми, уже считающими ее преступницей и грешницей. Писательница уже в предыдущих романах оказывается перед опасностью потерять необходимое для разрабатываемой темы равновесие между правдой, художественным вымыслом и конъюнктурой, но умело лавирует между ними. Здесь же, видимо, поддавшись конъюнктурному соблазну, на угоду феминизму, Раген наполняет пьесу не просто рассказами о страданиях религиозных женщин, а ужасами, нагромождение которых вызывает неприятное ощущение искусственности, не имеющей ничего общего с художественным вымыслом.

В религиозном мире не все так однозначно. Например, в «национально-религиозном лагере нравы куда современнее, чем у ультраортодоксов» [8]. В этой среде действует особая модель израильского феминизма, которая предполагает социальную востребованность и активность женщин при условии сохранения предписанного Торой образа жизни – выполнения роли жены, матери большого семейства, преданного законам иудаизма. Благодаря израильскому законодательству, неплохому образованию в религиозных школах для девочек, возможности получить высшее образование и в дальнейшем работать по специальности, «социальная активность женщин не вступает в противоречие с традиционным жизненным укладом» [9, с. 50]. При всем том «для многих ортодоксов замужество – главный, а то и единственный критерий женской состоятельности» [8]. Не удивительно, что на устройстве личной жизни в национально-религиозном обществе сосредоточено внимание писательниц, которые сами принадлежат к этой среде. Поисками семейного счастья озабочены героини книги Рахель Лэнгфорд «Разыскивается принц на белом коне» и Софьи Рон-Мория «Десятый жених».

В своих произведениях писательницы прямо (Софья Рон-Мория, Рахель Лэнгфорд) или опосредованно (Наоми Раген) говорят о возможности сочетания феминистского мировоззрения с патриархальным жизненным укладом и соблюдением религиозных традиций, тем более что это образ их жизни. Сквозь феминистские выпады, направленные против мизогинизма ультраортодоксального мира, в произведениях ясно проступает главная цель женщины – выйти замуж: она хочет уютный дом и много детей. Патриархальная религиозная традиция готова предоставить ей все это в обмен на свободу проявления женского и шире – чело-

веческого Я, установив диктат над личностью, утвердив тотальный контроль над частной сферой: организацией замужества, репродуктивной сферой, воспитанием детей, гендерными отношениями (произведения Наоми Раген).

Выводы. Религиозный коллектив, утверждающий незыблемость семейных устоев, на первый взгляд поддерживает в женщине то, что в ней заложено изначально – ее заботу о потомстве, о своем супруге и о сообществе в целом, но на самом деле разрушает эту первозданность, установив тотальный контроль и строгую регламента-

цию ее жизни, опутав непосильным грузом предписаний, лишаящим ее права свободно развиваться в себе дарованную ей свыше женскую природу. Именно этот аспект становится центральным в произведениях израильских писательниц, потому что женская природа – и психологически, и физиологически – в способности давать жизнь и в способности любить. Для свободного ее проявления женщине остается только вырваться за пределы закрытого коллектива (кибуца или религиозной общины), контролирующего и регламентирующего ее жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Пасхарьян Н.Т. «Второй Пол» Симоны де Бовуар и судьбы феминизма в современной французской литературе. *Гендерная проблематика в современной литературе: Сб. науч. тр.* / Редкол. : Пасхарьян Н.Т. (отв. ред. и сост.), Соколова Е.В. (сост.) и др. Москва : Изд-во ИНИОН РАН (Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения), 2010. С. 75–95.
2. Римон Елена. Израильский рассказ – здесь и сейчас. *Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ: Антология.* Перевод с иврита / Сост. Хая Хофман. Иерусалим : Библиотека – Алия, 2002. С. 13–24.
3. Шулык П.Л. Андрогинные образы в израильской женской литературе. Статья вторая. Андрогин по собственному желанию. *Наук. пр. Кам'янець-Подільського нац. ун-ту імені Івана Огієнка: Філологічні науки.* Выпуск 33. Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2013. С. 371–376.
4. Файнберг Анат. От литературы национальной к литературе универсальной: очерк развития современной израильской литературы. *Плоды смоковницы. Современный израильский рассказ: Антология. Перевод с иврита / Сост. Хая Хофман.* Иерусалим : Библиотека – Алия, 2002. С. 5–12.
5. Френкель Наоми. «Ваш дядя и друг Соломон...»: Роман / Пер. с иврита Э. Баух. Тель-Авив ; Москва : Олимп, Сиван, Книга-Сэфер, 2006. 300 с.
6. Френкель Наоми. Дикий цветок : Роман / Пер. с иврита Э. Баух. Москва; Тель-Авив : Сиван, Книга-Сэфер, 2007. 380 с.
7. Гарт Давид. Женщина в неблагоприятных дискурсивных обстоятельствах. URL: <http://booknik.ru/ideas/all/jenshchina-v-neblagopriyatnyh-diskursivnyh-obstoyatelstvah/>.
8. Карпова Марина, Левин Евгений. Уж. Замуж. Невтерпеж. URL: <http://booknik.ru/reviews/fiction/cj-zamuj-nevterpej/>.
9. Овчинникова И.Г. Особенности феминизма в Израиле: политика, культура, язык. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* Вып. 5(11). 2010. С. 48–57.